

НОВЫЕ ПАМЯТНИКИ РУССКОГО ЛЕТОПИСАНИЯ КОНЦА XV в.

(К ВЫХОДУ В СВЕТ тт. XXVII И XXVIII
«ПОЛНОГО СОБРАНИЯ РУССКИХ ЛЕТОПИСЕЙ»)

Я. С. ЛУРЬЕ

Русское летописание конца XV в. мало известно исследователям. В научной литературе нередко упоминаются два официальных великокняжеских летописных свода — 1472 и 1479 гг.¹ Можно отметить также три общерусских свода второй половины XV в. неофициального характера²: свод конца 70-х годов, лежащий в основе Ермолинской и некоторых других летописей, ростовский владычный свод 1484 г., сохранившийся в Типографской летописи, и свод 1489 г., связанный с митрополитом Геронтием и отразившийся в Софийской II и Львовской летописях³.

Выход в свет двух томов «Полного собрания русских летописей» во многом дополняет наши представления об истории русского летописания конца XV в. В томе XXVII, наряду с довольно давно известной в науке Никаноровской летописью (эта летопись, как показал А. А. Шахматов, передает великокняжеский свод 1472 г.)⁴, опубликованы недавно введенные в научный оборот Сокращенные летописные своды 1493 г. и 1495 г.; в томе XXVIII — Летописный свод 1497 г. и Свод 1518 г. (Уваровская летопись). Отмечая огромное положительное значение, которое имеет для исторической науки публикация этих новых источников, мы сразу же хотим высказать издателям небольшой, но существенный упрек. Названия, данные ими публикуемым теперь памятникам, крайне неудачны — они несомненно породят множество недоразумений в научной литературе. До последнего времени термин «свод» употреблялся историками и филологами только в текстологических построениях — как обозначение гипотетически восстанавливаемых летописных источников; реально дошедшие до нас тексты именовались летописями (с собственным именем для каждой). Распространившееся за последнее время именование реально дошедших до нас летописных памятников «сводами» с лаконичным упоминанием времени их создания неизбежно будет приводить к смешению

¹ М. Д. Приселков. История русского летописания XI—XV вв., Л., 1940, стр. 173—186; Д. С. Лихачев. Русские летописи и их культурно-историческое значение, М.—Л., 1947, стр. 354—362.

² Во избежание недоразумений отметим, что термином «официальный свод» мы будем в дальнейшем именовать только великокняжескую летопись московских «государей всея Руси». Существование после 1456 г. официальной митрополичьей летописи, открыто противостоящей великокняжескому летописанию, сомнительно (ср. М. Д. Приселков. Указ. соч., стр. 162—164).

³ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества. «Известия АН СССР, отд. гуманитарных наук», 1930, № 10, стр. 715—716; Я. С. Лурье. Из истории русского летописания конца XV в. ТОДРЛ, т. XI, М.—Л., 1955, стр. 157—166.

⁴ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., М.—Л., 1938, стр. 346—360.

этих памятников с иными, гипотетическими сводами (ведь сводов такого-то года может быть несколько) и со сводами соседних годов. Конкретные, вполне индивидуальные наименования памятников (хотя бы даже случайные по происхождению, как названия Типографской и Львовской летописей) гораздо удобнее бесцветных «сводов», так как они однозначны, легко запоминаются и не дают повода к путанице. Издатели имели возможность дать подобные названия вновь опубликованным летописям: Свод 1493 г. можно было назвать Сокращенной Погодинской летописью (или летописцем, чтобы подчеркнуть ее краткость), Свод 1495 г. — Сокращенной Мазуринской летописью, Свод 1497 г. — Прилуцкой летописью (текст ее написан в Вологодском Прилуцком монастыре); Свод 1518 г. уже именовался в литературе Уваровской летописью.

Что же представляют собой недавно опубликованные Погодинская, Мазуринская, Прилуцкая и Уваровская летописи по своему составу и происхождению — какие своды лежат в их основе?

* * *

Два списка (из трех) Сокращенной Погодинской летописи уже были известны А. А. Шахматову — летопись эту он определял как «сокращенный московский свод 1494 г.»⁵. Оба списка Сокращенной Мазуринской летописи были обнаружены в 1955 г. А. Н. Насоновым; С. М. Каштанов установил, что при всей близости этой летописи (Свода 1495 г.) к Погодинской (Своду 1493 г.) она является самостоятельным летописным памятником и должна быть издана отдельно⁶.

Вплоть до 70-х годов XV в. в основе Погодинской и Мазуринской сокращенных летописей лежит какой-то оппозиционный летописный свод, отразившийся также в Ермолинской, Новгородской по Хронографическому списку, Софийской I по списку Царского и Архангелогородской (Устюжском своде) летописях⁷. Происхождение этого свода еще не вполне выяснено. А. А. Шахматов предполагал, что это был Ростовский владычный свод (отличный от того, который сохранился в Типографской летописи). Нам уже приходилось отмечать, что этот свод, не включая никаких специальных известий, связанных с ростовской архиепископской кафедрой, обнаруживает зато явное пристрастие к опальному боярину Федору Басенку, ослепленному по приказу Ивана III и сосланному в Кирилло-Белозерский монастырь⁸. Связь

⁵ ГПБ, Погод. № 1409 и № 2036. См. А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод, СПб., 1904, стр. 13; Его же. Разыскания о древнейших русских летописных сводах, СПб., 1908, стр. 237—238; Его же. Обзорение русских летописных сводов XIV—XV вв., стр. 370 (статья «Летописи» из «Нового энциклопедического словаря»). Отрывок третьего списка летописи (ГБЛ, Беляевск. № 1512) был опубликован А. В. Кравченко (Московский летописный свод 1493—1494 годов по Беляевскому списку. ТОДРЛ, т. XII, М.—Л., 1956, стр. 379—381), отождествлявшим этот свод с Московским сводом конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV).

⁶ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы (новые материалы). «Проблемы источниковедения», вып. IV, М., 1955, стр. 247—250; С. М. Каштанов. О списках двух неопубликованных летописных сводов (1493 и 1495 годов). «Проблемы источниковедения», т. VIII, М., 1959, стр. 460—463.

⁷ А. А. Шахматов. Ермолинская летопись и Ростовский владычный свод, стр. 13—21. Говоря об Архангелогородской летописи (Устюжском своде), А. А. Шахматов признает одним из ее источников непосредственно свод, представленный списком Погод. № 1409 (А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 372); однако совпадения между Погод. № 1409 и Архангелогородской летописью не переходят 1473 г. (как совпадения с Ермолинской и другими летописями); мы можем поэтому полагать, что и эта летопись восходит к общему источнику с Погодинской, Мазуринской, Ермолинской и другими летописями.

⁸ Ср. Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 149—152; А. Н. Насонов. Материалы и исследование по истории русского летописания. «Проблемы источниковедения», вып. VI, М., 1958, стр. 274—268.

свода 70-х годов, лежащего в основе опубликованных летописей, с оппозиционными кругами, группировавшимися вокруг Кирилло-Белозерского монастыря, может быть подтверждена еще некоторым дополнительным материалом. Именно кирилло-белозерский игумен Трифон изображается в этом своде (вопреки официальному великокняжескому летописанию) в качестве главного вдохновителя Василия Темного при его выступлении против Шемяки в 1447 (6955) г.⁹ Именуя Басенка «удалым» воеводой, оппозиционный свод применяет этот эпитет и к князю Василию Михайловичу Верейскому, сыну верейско-белозерского князя (стр. 278 и 352), на которого опиралась противомосковская оппозиция в том же Кирилловом монастыре. Василию Михайловичу в этом отношении повезло больше, чем Басенку: проникнув из разбираемого свода в сочинения историков, прозвище «Удалой» так и закрепилось за верейским князем в историографии¹⁰.

Известия, сближающие Сокращенную Погодинскую и Мазуринскую летописи с Ермолинской, Новгородской по Хронографическому списку и другими летописями, как мы уже отметили, простираются до 70-х годов XV в.¹¹; очевидно, этими годами и заканчивался использованный ими неофициальный летописный свод. Что же представляют собой заключительные разделы летописей, доведенные до 1493 и 1495 годов? Разделы эти не содержат таких оппозиционных по отношению к великокняжеской власти сведений, как предшествующая часть; за последние годы XV в. текст их в основном совпадает с текстом великокняжеских сводов — Московского свода конца XV в. (ПСРЛ, т. XXV), Симеоновской летописи и некоторых других летописей (в том числе Новгородской летописи по Хронографическому списку после окончания в ней текста свода 70-х годов). Тем не менее они не идентичны всем этим летописям, не идентичны они и между собой.

Существенные редакционные различия между обоими Сокращенными сводами были указаны С. М. Каштановым, подготовившим эти памятники к печати; ему же принадлежит единственная в научной литературе попытка охарактеризовать эти своды. Разбирая «сокращения» и «дополнительные сведения», обнаруживающиеся в Своде 1495 г. по сравнению со Сводом 1493 г., С. М. Каштанов видит «специфику тенденции, которая сквозит в своде 1495 г.», в стремлении представить в сглаженном виде взаимоотношения Ивана III с оппозиционным

⁹ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 273 и 347 (все последующие ссылки на т. XXVII в этом разделе статьи даем в тексте в скобках); Устюжский летописный свод, М.—Л., 1950, стр. 80—81; ПСРЛ, т. IV (здесь и далее цитируем этот том по старому изданию — СПб., 1848), стр. 146; т. V, стр. 269; ф. т. XXII, ч. I, стр. 436. В великокняжеском своде поездка Василия в Кириллов монастырь мотивируется тем, что «несть бо лзе бо таковому государю в таковой далной пустыне заточену быти», и ничего не говорится о выступлении игумена Трифона (ср. ПСРЛ, т. XVIII, стр. 201; т. XXV, стр. 268).

¹⁰ «Василий Михайлович Удалой» противопоставляется в этом известии воеводе Беклемишеву, взяточнику и трусу, едва не сдавшему город Алексин татарам; придя «не со многими людьми», Василий Михайлович не пустил татар перейти реку (тот же рассказ. см. Устюжский летописный свод, стр. 90; ПСРЛ, т. IV, стр. 151; т. VI, стр. 31, 195). В великокняжеском своде главным герцем сражения оказывался как раз Беклемишев (ПСРЛ, т. XXV, стр. 297; ср. ПСРЛ, т. XVIII, стр. 242; т. VIII, стр. 174). Эпитет «Удалой», присоединенный к имени Василия Михайловича в данном известии Архангелогородской, Погодинской и Мазуринской летописей (этого эпитета нет даже в совпадающих рассказах сходных с ними летописей), по-видимому, является единственным случаем употребления этого эпитета в источниках. В историографию это прозвище проникло, вероятно, из Архангелогородской летописи, изданной в конце XVIII и в начале XIX в. («Летописец, содержащий в себе Российскую историю от 852 до 1598 г...», М., 1781).

¹¹ Сходство Софийской I летописи по списку Царского с обоими Сокращенными сводами (особенно со Сводом 1493 г.) продолжается и далее; можно поэтом думать (вслед за А. А. Шахматовым), что Сокращенный свод 1493 г. был непосредственным (хотя и не единственным) источником Софийской I летописи по списку Царского.

боярством и мятежными удельными князьями, в стремлении угодить сторонникам русско-литовского союза и в близости к великой княгине Елене Волошанке. Свод 1495 г. он предположительно связывает «с деятельностью кружка лиц, близких к митрополиту Зосиме»¹².

Наблюдения С. М. Каштанова над различиями между Сводами 1493 г. и 1495 г. весьма интересны и важны; однако в рамках своей небольшой статьи автор ограничился только сопоставлением двух разбираемых сводов между собой и совсем не сравнивал известия этих сводов с соответствующими известиями других летописей. Такое сравнение сразу же обнаружило бы, что те особенности летописных текстов, которые С. М. Каштанов объяснял «сокращениями» или «дополнениями» Свода 1495 г. (Мазуринской летописи) по сравнению со Сводом 1493 г. (Погодинской летописью) отнюдь не специфичны для Мазуринской летописи и не дают поэтому оснований для характеристики ее политической окраски. Так, известия о репрессиях (в 1480, 1482 и 1489 гг.) против новгородских бояр (ср. стр. 285—286, 288 и стр. 355—359)¹³ об отъездах в 1490 г. русских феодалов из Литвы (ср. стр. 289 и стр. 360)¹⁴ и о дипломатической деятельности Ралевых-Палеологов (ср. стр. 287—289 и 353—360)¹⁵, читающиеся в Погодинской и отсутствующие в Мазуринской летописи, пропущены и в других летописях, в частности в официозной (на протяжении XV в.) Симеоновской летописи.

Точно так же и «лишние» по сравнению с Погодинской известия Мазуринской летописи могут быть найдены в Симеоновской летописи — например, известия о русско-молдавских сношениях в 1490—1492 гг. (ср. стр. 289—292 и 260—362)¹⁶ или сообщение о переводе в 1492 г. торгового из Троицы в Радонеж (ср. стр. 291 и 362)¹⁷, в котором С. М. Каштанов видел доказательство того, что «в Троице-Сергиев монастыре и составился свод 1495 г.»¹⁸.

Совпадая в своем основном материале, Погодинская и Мазуринская летописи представляли собой различные редакции одной летописи. Но различия между этими редакциями следует, на наш взгляд, объяснять не разницей в позициях двух сводчиков, а изменением политической обстановки за несколько лет, разделяющих протографы обеих летописей. Свод 1493 г., близкий к Московскому своду (ПСРЛ, т. XXV), отражает более ранние тенденции политики Ивана III, Свод 1495 г., напоминающий Симеоновскую летопись, — тенденции несколько более поздние.

Какие же события произошли за два года (1494—1495 гг.), разделяющих оба свода, и как они могли повлиять на политическую линию великокняжеской власти? В феврале 1494 г. после многих лет войны был заключен мир с Литовским государством — мир, утвердивший ряд территориальных присоединений, сделанных московскими князьями, и скрепленный династическим браком между Александром Литовским и дочерью Ивана III Еленой. И почти одновременно с этим была завершена борьба «государя всея Руси» с последними удельными князьями — братьями великого князя. «Пойманный» по приказу Ивана III Андрей Углицкий был «уморен» в конце 1493 г. Постоянный союзник Андрея Борис Волоцкий едва избежал участи брата и пережил его всего несколькими месяцами. В мае 1494 г., по лаконичному

¹² С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 460—465.

¹³ Ср. ПСРЛ, т. XVIII, стр. 269—270, 272.

¹⁴ Ср. там же, стр. 272.

¹⁵ Ср. там же, стр. 271—272 (есть только известие 6998—1490 о возвращении Ралевых на стр. 273); ПСРЛ, т. IV, стр. 155—157 (нет и известия 6998 г.).

¹⁶ ПСРЛ, т. XVIII, стр. 273—276.

¹⁷ Там же, стр. 275.

¹⁸ С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 465.

сообщению Свода 1495 г., «привезоша с Волока князя Бориса Васильевича мертвого» (366). Внутренняя политика великокняжеской власти, так же, как и внешняя политика, достигла некоторой (весьма непрочной) стабилизации — ближайшие политические цели были достигнуты.

Различия между Сводами 1493 и 1495 гг. в значительной степени отражают эту политическую стабилизацию. Процесс объединения Северо-Восточной Руси был в основном завершен, не было смысла теперь вспоминать те жестокие и едва ли популярные мероприятия, которыми он сопровождался. Именно этим, а не снисходительностью к феодальным оппозиционерам, объясняется, на наш взгляд, отмеченный выше пропуск известий о репрессиях в Новгороде — недаром более поздние летописи, начиная с Симеоновской, о них также умолчали. В Своде 1495 г. вся тема борьбы за Новгород была затушевана — выпущен был даже рассказ о походе 1479 г. (ср. стр. 280 и 354)¹⁹. Тема единства и солидарности всей объединенной теперь русской территории подчеркивалась рядом вновь вставленных известий. Рассказ о взятии Твери демонстративно начинался в Своде 1495 г. с упоминания о посылке Ивана III в «отчину свою в Великий Новгород» за «силами новгородскими» (стр. 358; ср. стр. 287)²⁰, но и тверские бояре, служившие своему князю, не именовались больше «коромолниками», как прежде (стр. 287), — теперь ведь они стали служилыми боярами московского князя (стр. 358)²¹. Под 700 (1491/92) годом сообщалось о посылке наместников в Углич и Можайск и о переписи «Тферския земли» «по-московски в сохи» (стр. 362; ср. стр. 291)²².

Те же тенденции обнаруживаются и при описании взаимоотношений великокняжеской власти с удельными князьями. Наиболее выразительна одна поправка, которую можно проследить не только на Погодинской и Мазуринской, но и на других летописях: из рассказа о переговорах Ивана III с его братьями в 1480 г. (во время «стояния на Угре») удалено упоминание о том, что мятежным братьям были обещаны территориальные уступки и что «докончание» с ними было укреплено «крестным целованием» (ср. стр. 282, 284 и 354, 356)²³. Смысл этой переделки вполне ясен — в 1491 г. Иван III сложил с себя то самое «крестное целование», которое дал Андрею Углицкому, и арестовал его (стр. 291)²⁴; в 1494 г. обоих мятежных братьев уже не было в живых. Опустив известие о «крестном целовании» Ивана III в 1480 г., Свод 1495 г. сократил в связи с этим и рассказ о снятии этого «крестного целования», ограничившись кратким упоминанием об аресте Андрея (стр. 362).

Стремлением смягчить историю политической борьбы предшествующих лет объясняется, на наш взгляд, и пропуск в Мазуринской летописи известия о бегстве Юшки Елизарова в Литву в 7001 (1492) г.

¹⁹ Рассказа о походе 1479 г. нет и в ПСРЛ, т. IV, стр. 152. Известия о переселениях новгородских купцов в Своде 1495 г. выпущены (ср. стр. 288 и 359—360); ср. ПСРЛ, т. XVIII, стр. 272; ПСРЛ, т. IV, стр. 156—157.

²⁰ Ср. ПСРЛ, т. IV, стр. 155—156; ПСРЛ, т. XVIII, стр. 271. В сокращенном Своде 1493 г. об участии новгородцев упоминается, но после рассказа о походе на Тверь.

²¹ Ср. ПСРЛ, т. IV, стр. 156.

²² Ср. ПСРЛ, т. XVIII, стр. 275. Возможно, что с этими же централизаторскими мероприятиями связано и перенесение «великого торго» из Троицы в Радонеж, отмеченное в Мазуринской, Симеоновской и сходных с ними летописях под тем же годом: Радонеж до середины XV в. принадлежал удельным князьям Серпуховско-Боровским (ср. «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.», М.—Л., 1950, стр. 183); часть Радонежского уезда принадлежала в 1491 г. Андрею Углицкому (там же, стр. 253, 256, 259, 261, 264, 266).

²³ Об обещании уступок и «крестном целовании» см. ПСРЛ, т. XXV, стр. 326—и 328; нет этих известий в ПСРЛ, т. XVIII, стр. 266 и 269; т. IV, стр. 153—154.

²⁴ Ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 333.

(ср. стр. 292 и 363) и умолчание о дипломатической деятельности Ралевых. «Исчезновение» Ралевых из летописания стоит, по-видимому, в какой-то связи с весьма темной историей гибели в 6998 (1490) г. старшего сына Ивана III — Ивана Ивановича Молодого. В истории этой обычно обращает на себя внимание жестокость Ивана, который приказал казнить неудачливого врача «Леона жидовина». Но дело врача Леона имело, очевидно, какую-то политическую подкладку: Погодинская летопись (как и некоторые другие) рассказывает, что Леон явился в свите брата Софии Палеолог Андрея; непосредственно «привели» его слуги и приближенные Софии Ралевы-Палеологи (стр. 289)²⁵. Если учесть, что Иван Молодой был сыном первой жены Ивана III и преграждал путь к престолу сыну Софии Палеолог, то станет ясным, что, казнь Леона, Иван III ставил ему в вину не только неумелость или хвастовство. События 1490 г. во всяком случае положили конец карьере двух Ралевых — отца Ивана и сына Мануила; только Дмитрий Иванович Ралев возобновил через несколько лет свою дипломатическую деятельность, отправившись в 1493 г. к датскому королю. В Мазуринской летописи опущены все обстоятельства смерти Ивана Молодого (стр. 360)²⁶; отсутствуют здесь и упоминания о дипломатической деятельности Ивана и Мануила Ралевых.

Ряд различий между Погодинской и Мазуринской летописями объясняется изменением внешнеполитической обстановки. Вплоть до 1494 г. важнейшим фактом русской внешней политики была борьба с Литовским государством. Эта борьба определяла подбор внешнеполитических известий в великокняжеском летописании. Летопись рассказывала о «переходах» «верховских» князей на Русь и связанных с этим столкновениях (ср. в Погодинской летописи стр. 285, 289, 292)²⁷, о нападениях на Литву, которые совершал крымский хан Менгли-Гирей, «служба великому князю» (стр. 283, 286)²⁸, и об ответной помощи Менгли-Гирею (стр. 290)²⁹. Гораздо сдержаннее было великокняжеское летописание, когда речь шла о тайной дипломатии Ивана III — о переговорах, которые еще не привели к открытым выступлениям. Из Погодинской летописи (как и из Московского свода) почти невозможно узнать, как развивались дипломатические связи Ивана III с двумя центральноевропейскими государствами, противостоявшими Ягеллонам, — Молдавией и Венгрией. Причины этой сдержанности обнаруживаются из «посольских дел» тех лет: между Иваном III, Матвеем Корвиным и Стефаном велись переговоры о военном союзе против «вопчего недруга» — Казимира³⁰. Послы, как правило, ездили тайно от Ягеллонов — через Крым и «на немци».

²⁵ Ср. там же, стр. 331 (сохранился только конец известия); ПСРЛ, т. XVIII, стр. 273.

²⁶ Ср. ПСРЛ, т. IV, стр. 157. Отразились в Сводах 1493 и 1495 гг. и какие-то обстоятельства идеологической борьбы тех лет. Рассказывая об осуждении новгородских еретиков в 6999 (1490) г., Погодинская летопись говорит, что их осудили «по архиепископим Генадьевым подлинным спискам» (стр. 290), Мазуринская летопись прибавляет «и по московским свидетельством» (стр. 361). Едва ли можно согласиться с С. М. Каштановым, думающим, что вставка эта сделана для того, чтобы «смягчить вину сведенного митрополита Зосимы, обвинявшегося в ереси» (С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 464) — слова эти читаются и в Новгородской летописи по Хронографическому списку (ПСРЛ, т. IV, стр. 159), явно связанной с врагом Зосимы архиепископом Геннадием (см. ниже, стр. 125, прим. 38).

²⁷ ПСРЛ, т. XXV, стр. 329 (год 6998 в Московском своде отсутствует из-за утери листа — стр. 331; до 7001 свод не доходит).

²⁸ Там же, стр. 328, 330.

²⁹ Там же, стр. 332.

³⁰ Ср. «Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными», ч. 1, СПб., 1851, стр. 159—173 (переговоры с Матвеем Корвиным в 1488 г.); сб. РИО, т. 41, стр. 22—24, 26 и 64

Естественно, что в великокняжеской летописи об этих переговорах предпочитали умалчивать³¹.

Мир с Литвой в 1494 г. не мог не оказать влияния на изложение внешнеполитических сюжетов в летописании. В Мазуринской летописи отсутствуют упоминания о «переходах» русских феодалов из Литвы в 1482 и 1489 гг. (стр. 357 и 360); более сдержанно сообщается о русско-крымском союзе предшествующих лет: неучастие Казимира в походе Ахмата не объясняется теперь нападением Менгли-Гирея (стр. 356)³², «отпуск» воевод великого князя «под Орду» в 6999 (1491) г. также не связывается с русско-крымским союзом (стр. 361)³³. По-новому излагались в Своде 1495 г. и сношения с более отдаленными союзниками. Ко времени составления Свода 1495 г. потеряли актуальность и русско-венгерские связи (после смерти Матвея Корвина и воцарения Владислава Ягеллона), и «любовь, дружба, братство» с германским императором, скрепленные в 1491 г. «крестным целованием» (ср. стр. 289—291 и 360—361)³⁴, — заключив соглашения с Ягеллонами, император уклонился от выполнения своих обязательств перед Иваном III. Иначе обстояло дело с русско-молдавскими отношениями. Хорошо понимая непрочность мира и союза с Александром в 1494 г., Иван III весьма ценил свои связи со Стефаном Великим. Сношения с «волохами» надо было не скрывать, а легализовать, доказывая их исконность, безвредность и даже, может быть, благотворность для русско-литовской дружбы. «Стефан, воевода волошский, еще при отце твоём при короле был с нами в свойстве и в одиночестве...», — писал Иван III Александру в 1495 г. «И мы к Стефану воеводе пошлем, а к нему накажем, чтобы с тобою, с нашим братом и зятем, был так же, как с нами, — другу бы твоему друг был, а недругу недруг...»³⁵. Естественно, что в Мазуринской летописи не только не исчезают упоминания о русско-молдавских сношениях, но даже добавляются известия об отъезде в 6998 (1490) г. и возвращении в 6999 (1491) г. посла в Молдавию Ивана Лихорева и о приезде в последующие годы молдавских послов Стецка и Мушата (стр. 360—362).

Сопоставление Погодинской и Мазуринской летописей с другими памятниками летописания конца XV в. позволяет, таким образом, прийти к заключению о довольно сложном составе этих летописей. Обе сокращенные летописи в целом не были памятниками великокняжеского летописания — об этом свидетельствует прежде всего то обстоятельство, что в основе этих летописей вплоть до конца 70-х годов XV в. лежит свод явно оппозиционного по отношению к великокняжеской власти характера. Если считать, как мы предположили раньше, что свод этот был составлен в Кирилловом монастыре, то с тем же монастырем можно связывать Погодинскую и Мазуринскую летописи. Но заключительные части обеих летописей отражают великокняжеское летописание конца XV в., быстро изменявшееся под влиянием политических событий тех лет.

³¹ Только после 6999 (1491) г. в Московском своде (ПСРЛ, т. XXV, стр. 332) и Погодинской летописи (стр. 291) читаются сообщения о сношениях с Молдавией — да и то в первом из них речь шла о поездке посла Скурата Зиновьева «в Волохи... на Литву» (то есть через Литву), не представлявшей тайны для Казимира (Сб. РИО, т. 35, стр. 41— и 52). С. М. Каштанов едва ли правильно понимает в данном случае слова «на Литву» в смысле «против Литвы» (С. М. Каштанов. Указ. соч., стр. 464, прим. 94).

³² Но самое известие о нападении Менгли-Гирея на Литву помещено — после рассказа об Угре (стр. 357). Такое же расположение материала см. ПСРЛ, т. IV, стр. 154; т. XVIII, стр. 268—269.

³³ Ср. ПСРЛ, т. IV, стр. 159

³⁴ Ср. там же, стр. 157—160 (во втором случае «крестное целование» упоминается). В Мазуринской летописи (стр. 360), в отличие от Погодинской (стр. 289), ничего не рассказывается о борьбе за венгерское наследство между императором и Ягеллонами.

³⁵ Сб. РИО, т. 35, стр. 208—209.

Эволюцию московского летописания можно проследить не только на материале Погодинской и Мазуринской летописи. Мы уже отмечали, что, расходясь с Погодинской летописью и Московским сводом, Мазуринская летопись обычно совпадает при этом с другими летописями, например, с Симеоновской летописью и с Новгородской летописью по Хронографическому списку. Но Симеоновская летопись и Новгородская по Хронографическому списку отражали, как мы можем думать, несколько более поздний этап летописания, чем Свод 1495 г. Этим объясняется, по-видимому, появление в Симеоновской летописи ряда известий по истории внешней и внутренней политики, опущенных в Мазуринской летописи³⁶. Отличается от Мазуринской летописи и Новгородская летопись по Хронографическому списку — особенно при изложении событий 1494—1495 гг.: здесь более настойчиво подчеркиваются важные для последующих лет условия русско-литовского мира и уже упоминается о попытках Александра нарушить эти условия (принуждение Елены Ивановны к «римскому закону»), подробно сообщается о столкновениях с союзниками Александра — ливонскими немцами и т. д.³⁷. Если Свод 1495 г. лаконично сообщал, что митрополит Зосима в 1494 г. «остави митрополию» (стр. 336), то Новгородская летопись утверждала, что он сделал это «не своей волею, но непомерно пития дръжашеся и о церкви божия не радяше» (это могло объясняться не только более поздним характером свода, но и его связью с новгородским архиепископом Геннадием — злейшим врагом Зосимы)³⁸. Отличия Симеоновской летописи и Новгородской по Хронографическому списку от Мазуринской свидетельствовали о том, что политическая обстановка в конце 90-х годов опять изменилась.

Об этом же свидетельствуют и материалы других сводов конца XV — начала XVI в., отраженных в Прилуцкой и Уваровской летописях.

* * *

Прилуцкая летопись (Свод 1497 г.) была введена в научную литературу А. Н. Насоновым, подчеркнувшим ее близость к Софийской II летописи. В 1958 г. А. Н. Насонов несколько видоизменил это определение, указав, что до 1417 г. новонайденная летопись близка к Ермолинской летописи, с 1417 г. по 1477 г. — к Симеоновской летописи и Московскому своду (ПСРЛ, т. XXV), а с 1468 г. (года повторяются снова) до 1497 г. — к Типографской летописи³⁹. Уваровская летопись (Свод 1518 г.) стала известна в науке значительно раньше Прилуцкой (она привлекалась для подведения разрывов к Симеоновской и Ермолинской летописям)⁴⁰. А. Н. Насонов отметил, что вплоть до 1484 г. эта летопись почти тождественна со Сводом 1497 г.: текст ее сходен сперва с Ермолинской летописью, затем — с Симеоновской и Москов-

³⁶ В Симеоновской летописи упомянуто об обстоятельствах смерти Ивана Ивановича (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 254—256, 271, 273), об аресте Андрея в 1491 г. (ПСРЛ, т. XVIII, стр. 275), о соперничестве между императором и Ягеллонами, о «крестном целовании» императора и о походе 1491 г. на помощь Менгли-Гирею. Судя по тому, что в Симеоновской летописи последним в перечне князей назван Дмитрий-внук (1498—1502) и опущены осудительные замечания по поводу бегства Софии в 1480 г. (там же, стр. 269), можно думать, что она отражает свод, сложившийся после начавшейся в 1499 г. реабилитации Софии. К этому времени началась новая война с Литовским государством; обострилась и внутривнутриполитическая борьба (заговор 1497 г. и династическая борьба 1497—1502 гг. и т. д.); поэтому известия такого характера могли быть вновь введены в великокняжескую летопись.

³⁷ ПСРЛ, т. IV, стр. 163—165.

³⁸ Там же, стр. 164. Ср. Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 176—178.

³⁹ А. Н. Насонов. Летописные памятники хранилищ Москвы, стр. 251—252; Его же. Материалы и исследование по истории русского летописания, стр. 253—255.

⁴⁰ Ср. ПСРЛ, т. XVIII, стр. III; т. XXIII, стр. II—IV.

ским сводом и, наконец, с Типографской, однако сходство с Типографской кончается здесь на 1484 г. и далее до 1518 г. следует текст, близкий к Софийской II и Львовской летописям⁴¹.

К. Н. Сербина, подготовившая к печати новые летописи, одновременно опубликовала исследование этих летописей⁴². К сожалению, однако, в этом исследовании она не пошла дальше тех предварительных наблюдений, которые высказал А. Н. Насонов, ограничившись только сравнением Сводов 1497 и 1518 гг. с уже названными А. Н. Насоновым параллельными летописными текстами (Ермолинская, Симеоновская, Типографская, Софийская II летописи). От такого сравнения К. Н. Сербина непосредственно переходит к выводам — к общей характеристике политического лица вновь опубликованных сводов. А между тем сравнение новой летописи с наиболее близкими к ней по тексту — только предварительный этап работы, полезный и необходимый при определении летописи, но отнюдь не заменяющий ее текстологического исследования. Обнаружив сходство тех или иных летописей, исследователь неизбежно должен поставить вопрос: откуда происходит это сходство, к каким сводам (здесь этот термин и уместен и необходим!) восходят совпадающие летописные тексты? Эта, текстологическая, часть работы почти совсем отсутствует в исследовании К. Н. Сербиной. Она говорит только о «тех дополнениях, сокращениях, изменениях, перестановках в тексте», которые отличают вновь опубликованные летописи от прежде известных, заранее исходя, таким образом, из представления о вторичности новых текстов. Нет необходимости доказывать опасность такой презумпции: новонайденные летописи могут иногда отражать и более ранние своды и редакции, чем летописи, известные прежде. Особенно ясно свидетельствует об этом сопоставление второй части изданных теперь летописей (1418—1477) со сводом 1479 г. (Московский свод, опубликованный в ПСРЛ, т. XXV, и сходные с ним тексты). К. Н. Сербина не сомневается в том, что в соответствующих разделах опубликованных ею сводов «сохранился текст Московского летописного свода 1479 г.», и усматривает в новых летописях только «дополнения», «пропуски», «перестановки», «ошибочные чтения» и, наконец, «редакционную работу над текстом источников»⁴³. Но уже А. Н. Насонов обратил внимание на то, что близкий к своду 1479 г. текст двух новых летописей кончается 1477 г. и что в Своде 1497 г. (Прилуцкой летописи) вслед за этим текстом помещен перечень русских князей, где еще не упомянуто рождение второго сына Ивана III — Василия в марте 6987 (1479) г.⁴⁴ А между тем великокняжеский свод 1479 г. (судя по тексту так называемой Ростовской летописи, сохранившей его окончание) был доведен до 9 сентября 6988 (1479) г. и включал уже известие о рождении Василия⁴⁵. Следовательно, летописный свод 1418—1477 гг., сохранившийся в составе опубликованных теперь летописей, был составлен раньше, чем свод 1479 г.

⁴¹ А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 252—255.

⁴² К. Н. Сербина. Из истории русского летописания конца XV в. (Летописный свод 1497 г.). «Проблемы источниковедения», т. XI, М., 1963, стр. 391—428 (далее: Из истории...); Е е же. Летописный свод 1518 г. «Вопросы историографии и источниковедения истории СССР». «Труды ЛОИИ», вып. 5, М.—Л., 1963, стр. 587—608.

⁴³ К. Н. Сербина. Из истории..., стр. 402—406; Е е же. Летописный свод 1518 г., стр. 592—596.

⁴⁴ ПСРЛ, т. XXVIII, стр. 141—142 (Дальнейшие ссылки на т. XXVIII в этом разделе статьи даны в тексте в скобках); А. Н. Насонов. Материалы и исследования по истории русского летописания, стр. 254.

⁴⁵ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 256. Ср. ПСРЛ, т. XXV, стр. 323—326.

Сопоставление текста 1418—1477 гг. в Прилуцкой и Уваровской летописях с текстом свода 1479 г. с несомненностью обнаруживает, что перед нами не обработка свода 1479 г., а более ранний летописный памятник. К. Н. Сербина странным образом не обратила внимания на некоторые очень важные особенности изданных ею текстов. Под 6945 (1437) г. в Прилуцкой (стр. 101) и Уваровской (стр. 268) летописях отсутствует пространный рассказ о Флорентийской унии, читающийся во всех списках великокняжеского свода 1479 г.⁴⁶ Если же мы обратимся к Никаноровской летописи, содержащей более ранний великокняжеский свод 1472 г., то убедимся, что перед нами не пропуск, а именно первоначальное чтение: в своде 1472 г. нет пространного рассказа об унии, и соответствующий текст полностью совпадает с Прилуцкой и Уваровской летописями⁴⁷. Вставка в текст свода 1479 г. пространного рассказа о Флорентийском соборе, заимствованного из «Слова на латыню» и явно вторичного по своему характеру, была связана с окончательной борьбой за Новгород, шедшей под ярко анти-«латинскими» лозунгами⁴⁸; в начале 1477 г. в великокняжеском летописании этой вставки еще, очевидно, не было. Не менее характерна и другая особенность двух новоизданных летописей, не отмеченная К. Н. Сербиной. Под 1477 (6985) г., которым заканчивается соответствующая часть обеих летописей, здесь ничего не говорится о конфликте, послужившем поводом к походу на Новгород в следующем году. «Тое же весны князь великий отпустил в Новъгород послы своя месяца апреля, в четверг, Феодора Давидовича, Ивана Борисовича и дияка с ними Василия Далматова» — вот все, что мы читаем здесь (стр. 140 и 311). А между тем в своде 1479 г. на этом месте помещен известный рассказ о том, как послы Великого Новгорода назвали Ивана III «государем», и именно эта история служит в дальнейшем тексте обоснованием похода Ивана на Новгород⁴⁹. Можно думать, что в 1477 г. этот повод к окончательному присоединению Новгорода не был еще найден и введен в летописание.

Исследование свода 1477 г. по двум новоизданным летописям можно было бы продолжить и дальше. Но уже самый факт существования еще одного великокняжеского свода между 1472 и 1479 гг. достаточно интересен, — как и изложенные выше наблюдения над сводами 90-х годов, этот факт позволяет говорить о постоянных и частых изменениях в великокняжеском летописании конца XV в.

После окончания свода 1477 г. в обеих летописях вплоть до 1484 г. читается текст, близкий к Типографской летописи, а затем совпадение между обеими летописями прекращается — их конечные части (в Прилуцкой летописи до 1497 г., в Уваровской — до 1518 г.) отличны друг от друга. Что же представляют собой заключительные разделы летописей и как могут быть охарактеризованы обе летописи в их окончательном виде? К. Н. Сербина полагает, что в основе опубликованных ею летописей лежит некий летописный свод 1484 г. (соединение текстов, близких к Ермолинской летописи, Московскому своду и Типографской летописи), а в целом и Свод 1497 г. и Свод 1518 г. были общерусскими митрополичьими сводами⁵⁰.

Вывод этот вызывает ряд серьезных недоумений. Несомненно, что одним из источников Прилуцкой и Уваровской летописей был ростовский владычный свод, доведенный до 1484 г. и дошедший до нас в

⁴⁶ Ср. там же, стр. 253—260; т. XVIII, стр. 176—188.

⁴⁷ ПСРЛ, т. XXVII, стр. 106.

⁴⁸ Ср. Я. С. Лурье. Идеологическая борьба в русской публицистике конца XV—начала XVI в., стр. 370.

⁴⁹ ПСРЛ, т. XXV, стр. 309—310; т. XVIII, стр. 253—255.

⁵⁰ К. Н. Сербина. Из истории..., стр. 420 и 428; Е е же. Летописный свод 1518 г., стр. 607—608.

более полном виде в составе Типографской летописи; существование этого свода 1484 г., подробно охарактеризованного А. А. Шахматовым, можно считать установленным⁵¹. Но самостоятельное существование той компиляции, которую именует «сводом 1484 года» К. Н. Сербина, не доказано. После 1484 г. прекращается сходство свода 1497 г. с Типографской летописью (ростовским сводом 1484 г.), но сходство с одним из двух списков этой летописи, Типографским или Синодальным списком (ГИМ, Синод., 789), не оканчивается — оно длится в сущности до конца свода 1497 г. (с некоторыми расхождениями в известиях последнего года)⁵². К. Н. Сербина предполагает, что «составитель свода 1497 г., ставивший своей целью создать общерусский летописный свод, использовал до 1484 г. в качестве основного источника свод 1484 г., а после 1484 г. — источник общий с Типографской летописью по Синодальному списку»⁵³. Однако это предположение текстологически не оправдано. Ведь Синодальный список Типографской летописи совпадает со Сводом 1497 г. и до 1484 г. и после этого года. Зачем же нам предполагать такое двойное происхождение свода 1497 г. — из реконструируемого К. Н. Сербиной «свода 1484 г.» и из Типографской летописи (Синодального списка), когда весь свой материал от 1468 г. до конца Прилуцкая летопись могла взять из одного источника (протографа Синодального списка)? Не проще ли предположить, что и Свод 1518 г. имел своим источником не «свод 1484 г.», а Свод 1497 г., но несколько отредактировал его? Свод 1497 г. был механическим соединением текстов, восходящих к протографу Ермолинской летописи, своду 1477 г. (включая завершающий его перечень князей) и протографу Синодального списка Типографской летописи. Механичность этой компиляции подчеркивалась дублировкой известий 1468—1477 гг. и 1482—1484 гг. (после текста ростовского свода 1484 г.). Составитель Уваровской летописи сгладил первый «шов» дублировки, опустив известия 1468—1477 гг. (сходные с Типографской) и отбросил окончание 1484—1497 гг. (с новой дублировкой), заменив его текстом 1497—1518 гг., близким к тексту Софийской II и Львовской летописей⁵⁴.

Не представляется нам убедительным предположение о митрополичьем характере обоих сводов. В 1497 г. митрополичий престол занимал Симон, в 1518 г. на престоле сидел уже другой митрополит — Варлаам, но К. Н. Сербина считает, что и Свод 1518 г. был составлен при митрополите Симоне. Странно, однако, что в двух летописях одного и того же митрополита совершенно различными оказываются именно разделы, относящиеся ко времени этого митрополита. Считая Прилуцкую летопись митрополичьим сводом 1497 г., К. Н. Сербина ссылается на А. Н. Насонова, предполагавшего, что в последней части Синодального списка Типографской летописи (совпадающего, как мы знаем, с соответствующей частью Прилуцкой летописи) отразилось

⁵¹ А. А. Шахматов. Обзорение русских летописных сводов XIV—XVI вв., стр. 284—301.

⁵² ПСРЛ, т. XXIV, стр. 203—214.

⁵³ К. Н. Сербина. Из истории..., стр. 415.

⁵⁴ Решительно отвергая «предположение об использовании сводом 1518 г. в качестве основного источника свода 1497 г.» (К. Н. Сербина. Из истории..., стр. 414; Е е же. Летописный свод 1518 г., стр. 605), К. Н. Сербина в доказательство этого ссылается только на некоторые различия между обоими сводами в известиях 1478—1483 гг. (Летописный свод 1518 г., стр. 596). Однако эти различия ничего не доказывают — независимо от того, восходил ли Свод 1518 г. к Своду 1497 г. или к предполагаемому «своду 1484 г.», в нем несомненно были какие-то отступления от протографа (как, например, явно оборванная в Своде 1518 г. фраза о приезде в 1478 г. Василия Суздальского: «тое же весны приеха из Новгорода к великому князю...» — стр. 312; ср. в Своде 1497 г. стр. 147). Доказательством независимости свода 1518 г. от свода 1497 г. могли быть только явно лучшие чтения в Своде 1518 г.

митрополичье летописание поздней редакции⁵⁵. Но это предположение А. Н. Насонова (высказанное им в форме очень осторожной догадки) едва ли можно считать убедительным — в Синодальном списке (как и в Прилуцкой летописи) после 1484 г. нет никаких специфических известий, связанных с митрополичьей кафедрой, а о поставлении самого митрополита Симона говорится в форме весьма лаконичной и совершенно неподобающей для митрополичьего летописца: «възведен бысть на двор митрополичь игумен Троецкой Симон Чиж»⁵⁶. К. Н. Сербина соглашается, что это известие в Синодальном списке носит «несколько насмешливый характер», но настаивает на том, что в Своде 1497 г. (стр. 160) соответствующий рассказ «смягчен» и изложен более почтительно, ибо прозвище «Чиж» там опущено⁵⁷. Но если в Синодальном списке известие о поставлении Симона имело насмешливый характер, то тем самым отпадает предположение А. Н. Насонова, что в этом списке сохранился митрополичий летописец. Можно ли в таком случае считать митрополичьей летописью Свод 1497 г., почти идентичный Синодальному списку в этой части? Как мог составитель Свода 1497 г., если бы он был приближенным Симона, сообщать о поставлении своего патрона не по собственным материалам, а на основе чужого, явно несочувственного рассказа, лишь несколько смягчив его?

Для определения характера сводов, лежащих в основе Прилуцкой и Уваровской летописей, эти своды, как и Сокращенные своды 1493 и 1495 гг., следует рассмотреть на фоне всего летописания конца XV в. До 1484 г. в обеих летописях читается текст ростовского владычного свода (сохранившегося в Типографской летописи); между 1484 и 1489 гг. Уваровская летопись содержит отрывок летописного свода 1489 г., связанного с митрополитом Геронтием (отраженного в Софийской II и Львовской летописях). Но на 80-х годах тексты этих двух неофициальных сводов кончаются. Что же представляет собой дальнейший текст Типографской, Софийской II и Львовской, а вместе с ними Прилуцкой и Уваровской летописей? Сравнение с другими летописями и, в частности, с Погодинской и Мазуринской, обнаруживает, что в своей основе перед нами — тот же великокняжеский свод 90-х годов XV в., отразившийся в большинстве летописей этого периода. Определяя характер известий в последних разделах обеих летописей, К. Н. Сербина отметила, что большинство летописных записей относится к вопросам внешней политики Русского государства⁵⁸. Наблюдение это, явно противоречащее общей характеристике сводов, данной исследовательницей (ибо такой повышенный интерес к внешней политике несколько неестествен для митрополичьих летописцев), подтверждает вывод, который вытекает из сравнения их с другими летописями: после 80-х годов обе летописи отражают, в первую очередь, официальное великокняжеское летописание «всея Руси».

Единая основа обеих летописных сводов за этот период не означает еще их полной идентичности. В Прилуцкой и Уваровской летописях (как и в Погодинской и Мазуринской) великокняжеское летописание дошло до нас не в своем первоначальном виде, а в составе каких-то местных сводов, и самое официальное летописание, как мы знаем, в этот период постоянно редактировалось и видоизменялось. Летописный свод, помещенный в Прилуцкой (и в Синодальном списке Типографской) летописи после окончания ростовского свода 1484 г., был наиболее близок к Своду 1495 г. (Мазуринской летописи). Здесь нет еще подробного перечисления условий мира с Литвой (стр. 159) и упо-

⁵⁵ А. Н. Насонов. Летописные памятники Тверского княжества, стр. 722—723.

⁵⁶ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213—214. Ср. Я. С. Лурье. Указ. соч., стр. 179.

⁵⁷ К. Н. Сербина. Из истории..., стр. 412—413.

⁵⁸ К. Н. Сербина. Из истории..., стр. 411; Ее же. Летописный свод 1518 г., стр. 601.

минаний о нарушении Александром этих условий в 1495 г. (стр. 160); говорится, что Зосима оставил митрополию в 1494 г. «не по своей воле», но нет ни слова о каких-либо его винах (стр. 159) и т. д.⁵⁹ В Уваровской летописи (как и в Новгородской по Хронографическому списку, Софийской II и Львовской и во всех сводах XVI в.) история столкновений с Александром начинается уже с 1495 г.; отставка Зосимы объясняется его пьянством и нерадением (стр. 325—326)⁶⁰. Если мы учтем, что официально отставка Зосимы имела вполне почетный характер⁶¹, то еще раз убедимся, что перед нами — явно более поздняя редакция. Более поздним происхождением свода, дошедшего в Уваровской летописи, объясняется, на наш взгляд, и другое ее отличие от Прилуцкой летописи. Подчеркивая, что Иван III уже в 1495 г. начал выражать недовольство нарушениями русско-литовского договора, совершаемыми литовской стороной, Уваровская летопись (и другие своды XVI в.) не привела известий, из которых читатель мог бы заключить, что Александр также с самого начала был недоволен поведением Ивана, приставившего к своей дочери целый штат московских слугителей, — в 1496 г., как мы узнаем из Прилуцкой летописи, литовский князь выслал из Литвы «остаточных бояр» (Василия Ромодановича и др.) и попа Фому, приехавших с Еленой (ср. стр. 160 и 326—327)⁶².

К числу местных известий, сохранившихся в составе Прилуцкой (как и Синодальной списка Типографской) летописи, следует отнести прежде всего подробно и торжественно изложенное сообщение о поставлении в 1489 г. ростовским архиепископом Тихона: «месяца генваря в 15 день, в четверг., поставлен бысть архиепископ Тихон граду Ростову святейшим митрополитом Геронтием, при благоверном и христоролюбивом великом князе Иване Васильевиче всеа Русии и при его сыне, великом князе Иване Ивановиче всеа Русии. На ставлении были епископы: суздальский Нифонт, рязанский Семион, коломенский Геронтей, сарский Прохор. Сей же был преже Тихон архимандрит у Спаса в Ростове» (стр. 154)⁶³. В Уваровской летописи, передающей в этом месте текст свода 1489 г., связанного с митрополитом Геронтием, о поставлении Тихона сообщается сугубо лаконично («и поставиши Тихона» — стр. 319)⁶⁴; в летописях, отражающих великокняжеское летописание (Московский свод, Симеоновская летопись, оба Сокращенных свода и др.), поставление Тихона вообще не отмечено. Если мы вспомним, что текст Прилуцкой и Типографской летописи до 1484 г. стражает как раз ростовское владычное летописание, то придем к весьма вероятному заключению, что и продолжение этого текста в соответствующих летописях представляло собой ростовскую епархиальную редакцию великокняжеского летописания. К местной летописной традиции могут быть отнесены еще два известия Прилуцкой летописи. Под 1496 г. летопись сообщает, что бывший митро-

⁵⁹ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 212—213.

⁶⁰ ПСРЛ, т. VI, стр. 39, 240.

⁶¹ РИБ, т. VI, ч. I, СПб., 1908, № 121, стлб. 834—835. К. Н. Сербина (Из истории..., стр. 419, прим. 77) ошибается, полагая, что представление о почетном характере отставки Зосимы основывается на известии Тверской летописи (см. ниже, стр. 131, прим. 65), оно вытекает именно из официального документа — грамоты Геннадия.

⁶² Текст, сходный с Прилуцкой летописью, читается также в Тверской и Вологодско-Пермской летописях (ПСРЛ, т. XV, стлб. 502; т. XXVI, стр. 239 — там же сообщение об отставке Зосимы без мотивировки). В Типографской летописи этого известия нет; в Новгородской летописи по Хронографическому списку текст заканчивается раньше соответствующей даты.

⁶³ В примечании к этому тексту указано, что слово «Русии» в титуле Ивана Ивановича «дополнено по Т» (т. е. по Типографской). Это указание загадочно, так как в Типографской летописи (ПСРЛ, т. XXIV, стр. 205—206) в данном известии как раз нет слов «всеа Русии» в титуле Ивана Ивановича.

⁶⁴ ПСРЛ, т. VI, стр. 238.

полит Зосима, сосланный в Троицкий монастырь, причащался там «во всем святительском чину» (стр. 160). Аналогичное известие об этом необычном происшествии (церковные каноны запрещали бывшим архиереям выполнять свои прежние функции) читается только в Тверской летописи, составленной в ее окончательном виде неким жителем «веси Ростовских областей»⁶⁵. Под 1497 г. (последним годом свода) в Прилуцкой летописи помещено известие (читающееся в Синодальном списке Типографской летописи под предыдущим годом) о покаянии, принесенном Иваном III митрополиту Симону и всем епископам, в том, что он «уморил в нужи» своего брата Андрея (стр. 160)⁶⁶. Мы не знаем, какими причинами была вызвана столь необычная демонстрация, но несомненно, что она была не очень выгодна для авторитета великого князя, и о ней едва ли могла сообщать его официальная летопись. Гораздо вероятнее поэтому относить известие 1497 г. к летописным дополнениям, сделанным в епархии ростовского владыки Тихона — одного из епископов, перед которыми каялся Иван III⁶⁷.

Последние разделы Прилуцкой и Уваровской летописей передают великокняжеские летописные своды с некоторыми дополнениями местного характера (в Прилуцкой летописи)⁶⁸. Это обстоятельство дает нам основание вернуться к вопросу о взаимоотношениях общерусского и местного летописания в конце XV в. Начиная с 80-х годов XV в. в Русском государстве (за исключением, может быть, не вполне присоединившегося Пскова) стало невозможно вести летописи в прежнем самостоятельном и не зависимом от великокняжеской власти духе — местные летописцы должны были излагать события близкого им времени так, как они излагались в Москве. Но официальное московское летописание тоже не оставалось стабильным — напротив, оно изменялось с чрезвычайной быстротой под влиянием менявшейся политической обстановки. Эти постоянные изменения сказывались и на местном летописании, порождая близкие по основным известиям (конца XV в.), но достаточно разнообразные по деталям летописные своды Русского государства.

⁶⁵ ПСРЛ, т. XV, стлб. 503, ср. стлб. 142. К. Н. Сербина усматривает существенное различие между текстами Прилуцкой и Тверской летописей в том, что в Прилуцкой Зосима назван «бывшим митрополитом», а в Тверской читается: «бывшу митрополиту... в ...монастыри» (Из истории..., стр. 419). Но важно здесь не именованье митрополита, а самый факт непризнания им канонического запрета (ср. Е. Е. Голубянский. История русской церкви, кн. II, ч. 1, М., 1900, стр. 576—577, прим. 1).

⁶⁶ ПСРЛ, т. XXIV, стр. 213—214 (начало известия дефектно).

⁶⁷ Характеристика этого известия, данная в статье К. Н. Сербиной (Из истории..., стр. 420—426), не совсем понятна. Первоначально исследовательница соглашается с тем, что сцена эта нарисована в «тенденциозном плане» и была бы невозможна в великокняжеском летописании (стр. 420); но далее она как будто отказывается от этого мнения и утверждает, что все покаяние Ивана III имело «чисто формальный характер» и не может рассматриваться как «политическая демонстрация», невыгодная для великого князя (стр. 422). Однако ниже К. Н. Сербина все-таки приходит к выводу, что «покаяние Ивана III было уступкой церкви» и происходило перед враждебными ему иерархами (стр. 426).

⁶⁸ Для выяснения характера дополнений в Уваровской летописи ее необходимо было бы сопоставить со сводами XVI в. (Воскресенская, Никоновская летописи). Отметим только, что отсутствие упоминания об отставке Симона в 1511 г. (в Уваровской летописи говорится только о его болезни и смерти — стр. 346) ничего не говорит о тенденциях свода 1518 г., так как известие об отставке Симона отсутствует и во всех остальных сводах XVI в., читаясь только в одном из списков Ермолинской летописи (ПСРЛ, т. XXIII, стр. 199).